

иначе в жертвенной крови
мы захлебнемся друг на друге.

Вербёнка, плачущий палач
в жестоковыйном оке Бога.

Кормится одинокий грач,
снежно, морозно — и дорога.

Жабер, вереск, роговицы,
в клюве посох
пленной жрицы,
раздвоенный язычок,
наклеенный на зрачок.

Сухой листок,
цветной лепесток
утонули в шелесте листьев.

Из всех для всех открытых истин —
желтеющий ковер листвы,
дерев скудеющая сень,
поля засохшие травы,
непостоянная погода —
чертежик перелома года.

Какая пряность златоцвета...
Шмелем пустым мелькнула осень
на бабьей паутинке лета.

Праздник утрат

1

Уже клонирована Долли
и все, что прожито, не в счет.
Стою один на поле боли —
не знаю, кто меня спасет.

Пока сбегаетесь на луг вы
смотреть на новеньких харит,
я неспеша из каждой буквы
клонировую свой алфавит.

Но он — ему-то что за дело? —
лишь повторит, что я храню.
И все, что прежде наболело,
опять болит сто раз на дню.

2

Уйдя из-под ножа,
гляжу вперед со страхом.
Держава, Дева-ржа,
пусть меч твой станет прахом!

Покуда наяву
саднит и ноет в венах,
посыпдем им главу,
как пеплом убиенных.

3

Прожив эпоху Гимностроля,
я заглянул, как прежде, в ночь.
Такую жизнь назвать сестрою
опять становится невмочь.

Летит невольничья галера
за оперенный небосвод,
где Пушкин выпьет за Глиэра
и Михалкову подпоет.

4

Праздник — это выйти и шататься,
и лежать в блевоте и грязи...
Я не знаю хуже святотатства,
чем народный праздник на Руси,

где, наскучив транспортом казенным,
по газонам топчется ОМОН,
и течет под колокольным звоном
сукровица праздничных знамен.

5

В зеленом тумане растаяв,
лихой собиратель примет,
снимает фотограф Китаев
тот город, которого нет.

Он дерево высмотрит или
фронтон в вековечной пыли,
глядишь, а модели — срубили,
срубили, сломали, снесли.

Он город по кадрам отстроит —
положит в альбом и тетрадь...
А все же, пожалуй, не стоит
в его объектив попадать.

6

Умер бомж. Как сидел на пеньке в саду,
так и умер. Теперь он сидит в аду
на своем пеньке, при своих бобах.
В рай его не возьмут — слишком скверно пах.

Как взирает с небес, кто живет в раю,
нам известно. А этот глядит в свою
то ли щель, то ли прорезь, во тьме таясь.
Что он видит сверху? Только пыль да грязь.

Видит корни пенька на своем дворе,
две чужие подошвы — дыра к дыре,
да бутылки, подобранной рядом, дно,
как дневное — сквозь толщу воды — пятно.

И когда наклоняется сверху тот,
кто ревниво бутылку свою блюдет,
этот, снизу, глядит сквозь невидный лаз
на явившийся в горлышке бледный глаз.

7

Из мира, пахнущего тенью,
я выхожу на белый свет
с локтями, черными от чтенья
свежих утренних газет,

и в мире тополиной пены,
светящейся за пядью пядь,
учусь из тени постепенно
и привычно выпадать,

как из зеленой оболочки —
горох, покинувший стручок,
как из последней этой строчки
выпадает первый слог.

8

Те, кто нынче празднуют победу,
словно мышки, серы и тихи.
Не сходили в детстве к логопеду —
вот и принялись писать стихи.

Им не выговорить слов опасных,
Оттого и мил унылый стеб.
Сколько же проглочено согласных,
сколько гласных выпито взахлеб!

Тем, кому простой язык неведом,
по душе невнятный бред молвы.
Тише, дети!
Лучше дайте дедам
досказать, о чем мычите вы!

9

Начинаю новое столетье,
как воздушный замок на песке.
Выдал опечатку: стоскелетье —
подсознанию сладко быть в тоске.

Божьи твари крылышки сложили,
в кокон превратились лепестки,
все учителя уже в могиле,
в гили и во мгле — ученики.

Начинаю новый век тарзаний
без родни, и предков, и корней.
А поэтика иносказаний
чем невероятней — тем верней.

10

Ты становишься женщиной с темным прошлым —
я дотошным с тобой становлюсь и дошлым.
Как меня ни голубит твоя ладошка,
светлым будущим здесь и не пахнет, крошка.

Все размыто, разъято, и нет ответа
там, оттуда, где стерты места и даты.
Шепелявое "что-то" с гундосым "где-то"
собрались, точно в гетто, в одном "куда ты?".

Я не знаю, куда ты, не знаю, что там,
где за окнами воет судьба-шакалка.
Я во сне по утрам обливаюсь потом —
у меня на примете своя закалка.

11

Вспоминаю о давней минуте,
как о только что прожитом сне.
"Поцелуйте друг друга — и будьте!" —
Глеб сказал на прощание мне.

Телефонную трубку нелепо
всю судьбу у виска продержать:
я глазок в это черное небо
никогда не смогу продышать.

Глеб Сергеевич! К той голубятне
нам дорогу уже не забыть.
Оказалось куда вероятней
с этим ветром и сумраком — быть.

И, взлетая над пашней и пожней,
меж воздушных колдобин и ям,
оказалось куда невозможней
прикоснуться губами к губам.

12

Черемухой пахнет цветущий миндаль —
мне этой строки неожиданно жаль:
осталась никчемной, бездомной,
лежит себе в папке укромной.

А жаль — потому что явилась на свет,
и вот уже брезжит неясный сюжет,
его застеклить и обрамить
спешит пробужденная память.

Не стоит ходить вперемешку с толпой:
сюжет — это то, что случилось с тобой.
Но сладкий миндаль отчего-то
горчит, как семейное фото.

13

Оттого, что не держал застолий,
не терпел хмельную трепотню,
волей оказался и неволей
срезанным, как песня на корню.

Свой успех другие догорланят —
в этом хоре он, как рыбка, нем,
но никем не пойман и не нанят,
и не понят, в сущности, никем.

Отвернувшись, он сидит над бездной
у окна — и, кажется, вот-вот,
беспольный, но предельно трезвый,
счета со стихиями сведет.

14

Вовсю свистят — а все в снегу, все голо.
Чирикают, забравшись на забор.
Когда б мы знали, из какого соло
произрастает этот бравый хор!

И тинькают синицы из тумана,
и голуби воркуют на бегу...
Но тот, кто начал, — начал слишком рано
и, распахнув гортань, лежит в снегу.

15

Жизнь предполагает одиночество —
то есть, вдохновение и творчество,
но с годами все больше хочется
невеселой мысли потакать,

что, напротив, только одиночество
может эту жизнь предполагать.

16

В пространстве, очерченном снами и зданиями,
свою дорожку привычно торя,
жизнь прожита
между двумя изданиями
Академического словаря.

Язык еще не успел измениться,
перечень новой лексики краток,
зато к судьбе
на последней странице
приложен перечень опечаток.

И это разумно: на удалении
в годы
придется еще не раз
вспомнить о правильном ударении
и построении верных фраз.

17

Среди боевой воркотни,
осилив бывлые ухабы,
не кайся, — хотя бы вздохни,
не веруй, — но вспомни хотя бы.

Кровавая, льнет — как камедь
к разверстой альбомной странице —
судьба Ни-о-чем-не-жалеть
к судьбе Ничего-не-стыдиться.

18

Мне стыдно просыпаться каждый день.
За окнами — парад постыдных дел.
Под окнами ползет чужая тень,
чужая тень родных и близких тел.

За полстолетья все успело сгнить
до копошенья вшей, до свиста гнид,
и Ариадна потеряла нить —
теперь ее никто не сохранит.

Здесь бродят оголтелые стада,
выискивая зерна чахлых дат.
И некуда деваться от стыда
на ежедневном празднике утрат.

19

Уставил на небо очкастые глазки:
все меньше надежды, все больше опаски, —
и ежели в этом урок бытия,
то, значит, учителем мог быть и я.

Санкт-Петербург

Воровство

1

Жизнь целую назад
Мальчишка,
Абрикосный вор,
С другими я перелезал забор
В соседний сад.
Из сердца
По груди
Стучали молотки —
Всё ждал,
Что вот ночную темень разорвут свистки,
И позади
Раздастся выстрел —
Дробь
Ударит по спине.
Испуган,
Бел,
Я фруктов всё-таки хотел,
Хоть было страшно мне.

2

Влюблённый
Перезрелый
Дон
Жуан,
Как вор,
Я набираю телефон.
Хоть знаю —
Донна Анна занята.
С ней Командор.
А на стене
Распята жизни суета.
И снова страшно мне.